

*Soda
Press*

Алёна Филипенко

ЛИЦНИЙ
В ЭТО ИТРЕ

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Ф53

Книга издана с согласия автора.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Филипенко, Алёна
Ф53 Лишний в его игре : [роман] / Алёна Филипенко. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-236199-9

Даня и Ярослав — одноклассники и соседи, но живут в параллельных вселенных. Образцовый Даня вынужден работать с четырнадцати лет, чтобы обеспечивать себя. Он мечтает скорее поступить в университет и уехать от своей семьи, где он нелюбимый и ненужный.

У избалованного хулигана Ярослава есть все, но он этого не ценит. Его мечта — рисовать граффити, веселиться с друзьями и чтобы мама поменьше доставала заботой. Даню очаровывает жизнь Ярослава, и он решает занять его место.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Алёна Филипенко, 2023
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press
© Adams Carvalho,
иллюстрация на обложке, 2023

ISBN 978-5-04-236199-9

Это был год, когда в Москве обрушился «Трансвааль-парк», а на ТНТ стартовало шоу «Дом-2».

Это был год, когда телефоны с камерой только входили в обиход. Не существовало систем iOS и Android, а лидерами среди производителей мобильных телефонов в России были Nokia, Motorola и Samsung.

Доступ в интернет имели 10 % населения страны, а до создания ютуба оставался год. Домашний компьютер считался роскошью, процветали компьютерные клубы. Все играли в GTA: San Andreas и The Sims 2.

Игорный бизнес был легальным по всей стране, и каждый второй продуктовый магазин представлял собой мини-казино.

Средняя зарплата в России составляла 6740 рублей, а пирожок в школьной столовой стоил 2 рубля.

Самым кассовым фильмом года в мире стал «Шрек-2», а «Оскар» получил третий «Властелин колец».

Это был год оголенных животов и джинсов клеш, укороченных блейзеров и широких ремней. Миром правили тонкие брови, загар и выбеленные волосы.

Это был год, когда кое-кто нагло попытался увести у меня из-под носа мою жизнь.

Ярослав

ДНЯ

1

Сидя на балконе в субботу днем, я решаю задачи по алгебре — не для школы, так как сейчас зимние каникулы, а для подготовки к поступлению в университет, — как вдруг звенит будильник. Ничего себе, уже семь вечера. Пора собираться на работу: моя ночная смена начинается в восемь.

На этом балконе я живу. Здесь стоит раскладушка — она для меня коротковата, но если поставить в полный рост, то уже не влезут ни табуретка, ни обогреватель. Негде будет заниматься, а еще я замерзну. Балкон общий на две квартиры, посередине его разделяет решетка. Но так как это место моего постоянного обитания, решетки мне было недостаточно, и я отгородился от соседей стеллажом с учебниками. Прикрутил к нему откидной столик, повесил корзинки с вещами. Здесь вполне можно жить. По крайней мере, гораздо лучше, чем с братом. Рома каждый раз, когда меня видит, отвешивает мне пинки. Балкон — мое убежище, здесь ко мне цепляются редко.

Я убираю учебники и тетради. Открываю дверь и ступаю на древние, почерневшие половицы кухни, которые отвратительно скрипят при каждом шаге.

Квартира, в которой я живу с Нонной и братом, — что-то среднее между жильем малоимущих и притоном, по ней давно плачет ремонт. Вот только у Нонны нет на него денег.

Квартира досталась ей от родителей. Хороший дом, удобное расположение. Расценки на жилье здесь одни из самых высоких в городе, и почти все бедные семьи давно продали свои квартиры и купили что-то попроще. Теперь пара-другая оставшихся неблагополучных владельцев, в том числе и моя семья, резко выделяются на фоне основной массы обеспеченных и приличных жильцов.

Нонна сидит на диване и читает «Космополитен». На обложке — блондинка в бело-красном платье. Ужасно воняет куревом и кофе. Эта вонь стоит и на балконе, но там свежий воздух хотя бы идет с улицы.

Из столешницы обрубками торчат бычки. Я ненавижу эту дурацкую Ноннину привычку: вся поверхность в черных прожженных отметинах. Я вздыхаю. Нонна делает вид, что меня не существует. Тянется к новой сигарете.

Нонна — это моя мама. Худая, со строгим лицом и тонкими плотно сжатыми губами. Глаза впалые, всегда усталые. Волосы, вытравленные дешевым осветлителем до цыплячьей желтизны, вечно пушатся и никогда не укладываются. Нонна собирает их в хвост.

Несколько лет назад она ввела правило — чтобы я звал ее только по имени. С тех пор никаких «мам». Только Нонна. Правило распространяется на одного меня, Ромы оно не коснулось.

Я нахожу на подоконнике стеклянную пепельницу, ставлю перед Нонной на стол. Зря я сделал это громко: получилось как будто демонстративно, но я вовсе так не хотел.

Нонна отвлекается на звук, скользит глазами по столу, смотрит сначала на пепельницу, потом на меня... И взрывается.

Какого черта я ей указываю? Я, который никто в этом доме? Только она устанавливает здесь правила, а я подчиняюсь! И если она захочет, то будет кидать бычки хоть на пол, и, если прикажет мне собирать их ртом и слизывать пепел языком, я буду это делать! С этими словами Нонна бросает в меня тяжелую пепельницу — попадает в скулу — и снова ныряет в журнал. Закрывается им, и вот меня снова не существует.

Я хватаюсь за лицо, замираю. Смотрю на обложку журнала, вчитываюсь в буквы. Блондинку в платье зовут Гвен Стефани. Номер обещает рассказать о международном обмене секс-опытом и о том, как быть замужем за аборигеном.

В ожидании, когда перед глазами закончат плясать оранжевые точки, рассчитываю в уме массовую долю серы в сероводороде. Молча поднимаю пепельницу и ставлю на место, тряпкой собираю бычки, забираю и мбю Ноннину пустую чашку.

Я думаю, что Нонна запретила мне звать ее мамой по одной простой причине: чтобы, проговаривая три жесткие «Н» в ее имени, я ни на минуту не забывал о ее истинном ко мне отношении.

Нелюбимый. Ненужный. Негодный.

В ванной замазываю синяк на скуле тональником. Здесь все выглядит ничуть не лучше, чем в остальных комнатах: отколотая плитка на полу, ржавая сантехника, на стенах — лохмотья голубых обоев.

Повторяю, чему равен синус тридцати градусов, косинус шестидесяти, тангенс сорока пяти.

На свою беду, дверь я не закрыл, и внутрь заглядывает Рома.

— Что, прихорашиваешься, гомик? — с ядовитой усмешкой спрашивает он.

Рома старше меня на три года, ему через полгода девятнадцать. У нас разные отцы, и мы пошли каждый в своего, от Нонны никто ничего не взял. Внешне Рома — моя полная противоположность: коренастый, розовощекий, пухлогубый, с широким носом и короткими русыми волосами. Я же худощавый, с узким треугольным лицом и острым подбородком. У меня черные глаза, а волосы довольно сильно отросли.

— Думаешь, без штукатурки на морде твое очко никто не захочет? — не унимается он. — Я тебе помогу! Сейчас будешь красавчиком!

И он накидывается на меня. Сцепляет мне руки за спиной, наклоняет меня, наваливается сверху. Борт ванны впивается в живот. Рома что-то хватает с полки, а потом это что-то больно упирается мне в губы. По запаху я понимаю, что это тюбик помады.

— Олимпиада, мамина помада, папины трусы, раз-два-три! — Рома напевает песенку из детской игры и яростно растирает помаду по моему лицу. Он не видит, куда попадает: я повернут к нему спиной.

Столбик помады быстро стирается, и дальше брат просто возит по моей коже жестким тюбиком. Достается губам и деснам, они кровоточат. Я знаю, что взбучка за испорченную помаду ждет меня. Нонна никогда не наказывает Рому.

Закончив, он дергает меня за воротник — и мое лицо оказывается напротив зеркала. Я похож на грустного клоуна.

— Ну все, смотри, какой ты теперь Данчик-красавчик! Да к твоей заднице очередь выстроится аж до Владика! Скажи мне спасибо.

Потрепав меня по волосам, Рома уходит, весело насвистывая мотив присказки про «Олимпиаду» из все той же дворовой игры, где используется длинная резиночка со связанными концами. По правилам одни игроки держат резиночку, оттягивая ее как можно сильнее, и, напевая песню, переплетают ее «паутинкой». На словах «раз-два-три!» они замирают. Остальные должны пролезть через «паутинку», не касаясь ее. Когда-то мы играли в нее всем двором... вместе с Ромой.

Я долго смываю помаду — она не поддается, будто в кожу въелась! — и в уме решаю задачу про два бассейна, которые наполняются водой с разной скоростью. Я не успел доделать ее из-за будильника. Очистив лицо и выяснив, что каждый час в бассейны поступает по 60 и 90 кубических метров воды, я возвращаюсь к сборам, а затем выхожу из квартиры. Захлопываю дверь, прижимаюсь к ней с другой стороны. Чувствую, как расслабляется горло и как ужасное напряжение во всем теле постепенно спадает.

Я никогда не считал это место своим домом. Мне бы очень хотелось, но здесь все чужое и враждебное. Я не ощущаю себя здесь в безопасности. Никогда. Даже на своем балконе. Я ненавижу эту квартиру, ненавижу свою жизнь в ней и то, каким я здесь стал.

Пятнадцатилетний угрюмый зануда, жалкий одинокий нищелюб, — вот кем меня делает эта жизнь. Я мечтаю сбросить старую шкуру. Уехать и стать кем-то другим. Кем-то счастливым, успешным, богатым и уверенным в себе.

Поэтому я поступаю после школы в один из престижных математических вузов: мне всегда лучше давалась математика. В качестве приоритетного я выбрал ГУЭФ — Государственный университет экономики и финансов. Но отобрал и запасные варианты.

Золотые медалисты при поступлении сдают только один экзамен — математику. Я учусь на отлично и стремлюсь к тому, чтобы получить медаль. А диплом такого университета сделает меня тем, кем я вижу себя в мечтах. И каждую минуту жизни я трачу на то, чтобы стать к своей мечте еще на сантиметр ближе.

Я слышу шум шагов по лестнице снизу. И возвращаюсь в реальность.

Появляется сосед, мой ровесник, в сопровождении двух милиционеров. Один из них держит соседа за капюшон куртки и грубо подталкивает вперед.

Ничего себе. В голове вертятся вопросы.

Сосед живет с мамой, в квартире слева от меня. Они недавно переехали, прямо перед Новым годом. Я даже не знаю, как их зовут, видел от силы пару раз.

Парень чуть ниже меня, но шире в плечах. Волосы по цвету, длине и растрепанности напоминают стог сена. Кожа бледная, а брови и ресницы такие редкие и светлые, что кажется, будто их нет вообще. Все в его лице очень блеклое, а вот одет он ярко. Из-под длинной желтой куртки нараспашку виднеется салатная толстовка. Вся одежда огромная, джинсы-трубы спущены. На ногах — пузатые зеленые кроссовки.

Интересно, что он натворил?

Меня никто не замечает. Поднявшись на лестничную площадку, милиционеры звонят в соседнюю дверь. Я очень медленно спускаюсь, делая вид, что мне нет

никакого дела до происходящего. Искоса наблюдаю за сценой, пока она еще не исчезла из моего поля зрения.

Дверь открывает соседка, мама парня, — стройная, элегантная, с прямой осанкой и идеально гладкими черными волосами до плеч. Вид в целом такой, словно ее застали за сборами в театр или ресторан.

— Добро ваше? — Милиционер подталкивает парня в спину.

— Да, это мой сын. — На лице женщины застыла маска холодной вежливости, совершенно невозможно догадаться о ее чувствах. Злитесь ли она? Тревожится?

Улыбнувшись рекламной улыбкой, она жестом приглашает всех войти. Закрывает дверь, и шоу заканчивается. Я продолжаю спуск.

Думаю о соседях. До этого дня они вели себя тише воды ниже травы. Интересно, что натворил этот парень? Что-то украл? Судя по его шмоткам, явно не рыночным, их семья не бедствует. Что же тогда? И чего ему не живется-то нормально в таких условиях? Женщина не удивилась появлению милиционеров: видимо, такое не в первый раз. Может, ее сынок часто на чем-то попадается? На чем же? На хранении травки?

По дороге на работу всюду сугробы, которые не обойдешь. Кеды быстро промокают: подошвы местами истерлись до носков, а скотч, наклеенный под стельки, не очень-то спасает. Думаю о том, что если бы я был президентом, то запретил бы сугробы и лужи. Сделал бы так, чтобы их не было вообще. А еще издал бы закон, согласно которому все мамы должны любить своих детей, особенно младших. Я не совсем уверен, что к такому можно обязать... Но точно получится ввести систему поощрений. Можно платить

пособия за любовь. И создать специальную комиссию, которая будет заниматься проверкой, искренняя эта любовь или нет.

Я дохожу до старого здания из красного кирпича. Это хлебозавод. Там я работаю с четырнадцати лет. По закону работать полные смены можно с шестнадцати, но я там неофициально: директор тот еще жмот, взял меня, чтобы платить меньше, чем остальным работникам. Ему все равно будет выгоднее отдать за меня штраф при проверке, чем нанимать человека на полный оклад. Мое рабочее время — с восьми вечера до восьми утра два дня подряд, затем два выходных.

В цеху ужасно жарко, температура — градусов тридцать пять, а то и сорок! Не спадает даже зимой. Окна под самым потолком, очень высоко, некоторые выбиты. Когда-то в эти дыры стали залетать птицы. В основном голуби. Им понравилось в цеху, они начали гнездиться в щелях и нишах, так что теперь они здесь постоянно. Перо в буханке — не самое страшное, что может случиться. Вы бы видели винты в машине для замеса теста...

С «пернатой проблемой» я уже несколько месяцев достаю начальника цеха, нудно и размеренно твердя, что это нарушение санитарных норм и что с птицами нужно что-то решать. Начальник цеха каждый раз отмахивается, неопределенно отвечает, что «пернатая проблема» стоит в его приоритетном списке дел.

Моя должность — разнорабочий. Часть смены я укладываю сформованное тесто на лотки вагонетки, отправляю его в печь. Разгружаю свежий хлеб, отправляю дальше — на нарезку или упаковку. Остальную часть времени нахожусь на подхвате бригады, бегаю с разными заданиями. Например, помогаю пекарям. Больше всего люблю на-

полнять круассаны повидлом и сгущенкой из специального иньектора, который смахивает на пистолет. Стрелять сгущенкой — пиу! пиу! — разве может быть работа круче? Жаль только, что заказов на круассаны у завода не так много. Еще я помогаю на погрузке и даже — бу-э-э! — отмываю чаны от плесени.

В ночной бригаде тринадцать человек. Я самый младший. После меня идет Дашка, ей двадцать три. Дашка даже школу не окончила: как родила в шестнадцать, так и бросила учебу. Сразу пошла работать. Всем остальным за сорок, в основном на заводе работают женщины. Коллеги хорошо ко мне относятся, особенно пекарь Нина Алексеевна. Она называет меня своей маленькой тучкой и всегда приносит мне конфеты и мандарины, как будто мне не пятнадцать, а пять лет. А вот Ольга Петровна, тоже пекарь, держится холоднее, не сюсюкает, не угощает. Зато она однажды принесла мне целый пакет добротной одежды, объяснив, что ее сын резко из всего вырос.

Я очень благодарен всем им. Приятно, что чужие люди готовы заботиться обо мне просто так, хотя я ничем этого не заслужил. Я бы хотел многое сказать им о том, что чувствую, но почему-то максимум, что я могу в благодарность, — буркнуть сухое «спасибо» своим кедам. А чаще это просто хмурый кивок все тем же кедам.

Конечно, я выгляжу эгоистичным придурком, который принимает добро как должное. Но это не так, просто я ничего не могу с собой поделать. Словно в моей голове разрушен мост, соединяющий две станции: «Мысли» и «Слова». Поезд не может там проехать. Потому что между станциями — пропасть. Вот бы люди поняли, что у меня в голове совсем другое. Но я не оставляю им шанса.

Сегодня выкладываю свежеиспеченный хлеб в лотки. Он горячий, и, хотя я работаю в перчатках, руки после этого, как всегда, будут в ожогах. Мой труд физический, а голова остается свободной. И я всегда занимаю ее учебой. Сегодня сокращаю дробы и перечисляю предпосылки франко-прусской войны.

После работы возвращаюсь домой. Под курткой несю два горячих батона — выдают в конце каждой смены. На часах чуть больше восьми утра. Вокруг стоит настоящий январский холод. Сквозь колючий воздух нос иногда ловит теплый аромат свежего хлеба.

Мне это нравится — не спеша идти домой по утренним улицам, прижимать к груди теплый хлеб, иногда откусывать от хрустящей горбушки и воображать, что я единственный человек на Земле. И работа сейчас, когда нет школы, дается легко. Но скоро наступит третья четверть, и начнется ад. Смена заканчивается в восемь утра, а в девять — уже уроки.

Дома ни брата, ни Нонны, полный восторг! Никто меня не трогает. Я просыпаюсь в двенадцать, сооружаю бутерброд с докторской колбасой, пью чай и сажусь за учебу. Потом решаю приготовить ужин на семью. Что-то простое, дешевое, но сытное. Солянка с сосисками вполне подойдет. А значит, надо в магазин.

Еще не открыв входную дверь, я слышу ссору и понимаю, что ссорятся соседи — те самые мать и сын. Сначала думаю, что они ругаются в своей квартире, и, не ожидая подвоха, выхожу. Оказывается, они в подъезде. Соседский сын нервно и быстро идет к лестнице, держа в руках большой мусорный пакет. Он одет так же, как и вчера.

За ним спешит мама. Она будто собралась на интервью для передачи, которую будут транслировать на весь мир: причесана волосок к волоску, брюки и мягкий обтягиваю-

щий свитер без единой складки, сверху — шерстяное пальто нараспашку.

Она говорит на повышенных тонах:

— Ярослав! Ну куда ты? Скажи мне, куда ты снова идешь? Тебе мало, да? Опять в милицию хочешь? Думаешь, тебе снова все сойдет с рук и мама опять договорится? Как бы не так! В обезьянник тебя запрут на пятнадцать суток и дело заведут! Ясно тебе?

— Мам, успокойся, — отмахивается парень. — Обезьянник пока в мои планы не входит. Я иду просто гулять.

Ужасно неудобно, что я стал свидетелем такой сцены. Но эти двое не обращают на меня внимания. Ярослав спускается по лестнице; мама идет за ним; развязанный ремень ее пальто волочится по ступенькам. Я плетусь на расстоянии.

— «Просто гулять»? Это так теперь называется? Я запрещаю тебе, слышишь? Ты никуда не пойдешь! — Голос мамы Ярослава звенит сталью. Сын саркастично отзывается:

— Остановить меня можно только самосвалом. У тебя не завалился где-нибудь? Самое время достать, а то я уже *иду*.

— Может, мне сразу в милицию позвонить и сказать, что ты собираешься делать?

Оба уже спустились к подъездной двери. Ярослав толкает ее, и они выходят на крыльцо, но там останавливаются. Ярослав держит дверь. Я растерянно топчусь на лестничной клетке первого этажа.

— Отличная идея, давай, — усмехается он.

— Тогда я пойду с тобой! — заявляет его мама, решительно вздернув подбородок. — Куда бы ты ни шел, пойду!

Тон не оставляет сомнений: она это сделает. Угроза Ярослава впечатляет; видимо, мама и правда уже куда-то

его «сопровождала», и ему не понравилось. Его усмешка сменяется досадой. Он бессильно рычит, пакет в его руках сердито шуршит. Наконец он срывается:

— Мам, да роди ты уже себе новую игрушку! Старая сломана, ее не починить, как ты не поймешь?

Напряженное молчание. Мама Ярослава застывает скульптурой. Ее осанка становится еще идеальнее.

— Тебе кажется, что все так легко и просто, — говорит она сумрачным тоном. — Ты понятия не имеешь, что я чувствую, каждую минуту ожидая, что ты снова заявишься на порог под конвоем. — Добавляет тверже: — Нет, Ярослав. Сегодня я иду с тобой. Погуляем вместе. Будет здорово, правда?

На улице много прохожих. Напротив двери в подъезд — детская площадка, сейчас там полно народу, но никто не обращает внимания на ссору. Мать и сын пока говорят довольно тихо. Но губы Ярослава уже дрожат, взгляд становится бешеным.

— Ладно, ты победила! — Резким движением он вдруг рвет мусорный пакет и вытряхивает содержимое маме под ноги. А потом яростно кричит: — Держи свой трофей!

После этого он влетает обратно в подъезд и мчится вверх по лестнице. Уступая дорогу, я вжимаюсь в стену. Ярослав пронесется мимо, словно меня и нет. Замечаю блеск его глаз, сжатые кулаки. Он тяжело дышит.

Его мама все стоит, смотря себе под ноги. Она ко мне спиной, и я не вижу выражения ее лица. Но она явно в ступоре, не знает, что делать. Теперь-то на нее уставилась вся улица, и я каждой клеточкой тела чувствую ее стыд. Как же мне ее жалко!

Подхожу, начинаю собирать мусор в испорченный пакет.

— Не надо, мой хороший, я сама, — устало говорит она и опускается на корточки, чтобы помочь.

Слова — «мой хороший» — колют сердце. Я уже забыл, когда кто-то еще, кроме пекаря, в последний раз обращался ко мне так ласково.

Я бегло смотрю на соседку. Впервые вижу ее так близко. У нее приятное лицо, узкий нос, крутой лоб и треугольный волевой подбородок.

От нее веет запахами настоящего дома: хорошим кофе, а не бурдой, которую пьет Нонна, свежeweыглаженным бельем, мылом и цветами. Каково жить в доме, где так пахнет? Не знаю. А вот ее сын прекрасно знает.

Соседка пересекается со мной взглядом. Ее накрашенные ресницы такие же черные, как и волосы, а вот брови немного светлее. У нее светло-голубые глаза и фарфоровая кожа. А за рекламной улыбкой она сейчас едва скрывает боль.

— Все хорошо, правда. Я сама уберу, ты иди, иди... Спасибо.

— Нет, я вам помогу. И сам выброшу. — Я собираю весь мусор в пакет, кое-как завязываю дырявое место. Она все еще изучает мое лицо.

— Ты добрый и чуткий мальчик. Думаю, родители тобой гордятся.

Мне становится неуютно, я отвожу взгляд.

— Да... Наверное. Я выброшу. До свидания.

Выпрямившись, быстро иду прочь. Несколько шагов мучительно думаю, правильно ли поступаю? Может, стоило сказать что-то еще? Что-то ободряющее? Например, что все будет хорошо? Или спросить, все ли в порядке и не нужна ли еще какая помощь?

Я оборачиваюсь. Возле двери пусто.

По дороге в магазин я думаю об увиденной сцене. Злюсь на этого эгоистичного сынка. Закатить истерику просто

из-за того, что мама за него беспокоится! Да если бы Нонна так беспокоилась за меня, я бы плясал от радости! Хорошо ему живется с такой-то мамой. И чего он бесится? Уж небось его-то не заставляют в пятнадцать лет пахать на заводе. Спорим, она его ни разу не наказывала? Он даже представить не может, каково это — когда в лицо прилетает пепельница.

Дома, бросая на сковородку нашинкованную капусту и нарезая новую порцию, я слышу за стенкой соседские голоса. Продолжают ругаться? Непонятно.

Думаю о соседях. Интересно, как выглядит комната этого Ярослава? Есть ли у него компьютер и MP3-плеер? Что мама готовит ему? Пока у меня не появились свои деньги и я не начал покупать продукты, мой рацион почти всегда составлял хлеб с маргарином. Маргарин невкусный, горький, но масло надо было заслужить.

Я злюсь и пытаюсь себя пристыдить: почему меня волнуют соседи? Но продолжаю о них думать. О чем они говорят за ужином? Какие подарки дарит Ярославу мама?

Стараюсь выбросить эти глупости из головы.

За готовкой проговариваю про себя столицы стран мира и формы неправильных глаголов английского языка. Но учебу навязчиво вытесняет из головы мысль о том, что я заслужил масло, только когда пошел на работу.

Вечером мне звонит Ксюша — моя подруга. Радостно сообщает, что билеты у нее. Речь не о театре и даже не о кино. Ксюша по связям смогла достать варианты билетов по математике в ГУЭФ за прошедшие четыре года.